

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Ма-аленькая!.. *)

... „И была она, братокъ, тѣломъ ту ма-аленькая!..“

Каждый разъ, какъ я вспоминаю эту фразу, изъ дали прошлаго мнѣ улыбаются двѣ пары подслѣповатыхъ старческихъ глазъ, улыбаются такой тихой, ласковой улыбкой любви, сожалѣнія, и въ ухахъ звучать два надтреснутые голоса, одинаково характерно подчеркивавшіе то обстоятельство, что „она“ была ма-аленькая!..

И мнѣ дѣлается такъ хорошо и легко отъ этого воспоминаія, лучшего за всѣ десять мѣсяцевъ моего хожденія пѣшкомъ по кривымъ дорогамъ нашей родины, такой большой и такой печальной!..

По пути изъ Задонска въ Воронежъ я догналъ двухъ богомольцевъ — старика и старуху. Обои́мъ имъ съ виду было лѣтъ полтора́ста; они шли такъ медленно и неумѣло, тяжело двигая ступни по горячей пыли дороги, и оба имѣли въ физиономіяхъ и въ одеждѣ еле уловимое нѣчто; это нѣчто сразу позволяло замѣтить, что старики идутъ издалека.

— Изъ Тобольской губерніи шагомъ... со Господней помощью! — подтвердилъ старикъ мое предположеніе.

А старуха на ходу ласково оглянула меня добрыми, когда-то голубыми глазами и, добродушно улыбаясь, добавила, вздыхая:

— Изъ самаго Н—скаго заводу, деревеньки Лысой будемъ мы съ топомъ-то!

— То-то, чай изустали?

— Мы-то? Ничего! Пока двигаемся... эпизомъ Божьей милостью!..

— По обѣту что-ли, али такъ, старости ради?—

— По обѣту, братокъ... Обѣщанье, значить, дали кievскимъ и соловецкимъ угодникамъ Божіимъ... Да... — снова подтвердилъ старикъ. — Мать! посядемъ, вздохнемъ маленько?— Обратился онъ къ спутницѣ.

— Ну, что-жъ?— согласилась та.

И вотъ мы съѣли въ тѣнь отъ старой придорожной ветлы. День былъ жаркій, небо безоблачно, впереди и сзади насъ извивалась дорога и уходила въ дали, завѣшенная знойной мглой. Кругомъ было пустынно и тихо. По оба бока дороги неподвижно стояла чахлая рожь.

— Высосали землю-то!..— сказалъ старикъ, подавая мнѣ нѣсколько сорванныхъ колосьевъ.

Мы заговорили о землѣ и о жестокой зависимости отъ нея крестьянской судьбы. Старуха слушала насъ и вздыхала, порой вставляя въ наши рѣчи хорошее, опытное слово.

— Кабы жива была она, сколько-бы нанудила сердечко свое на такомъ-ту полѣ!— вдругъ сказала старуха, оглянувшись вокругъ на полосы низенькой, выгорѣвшей ржи, испещренныя плѣшинами.

— Да-а! ужъ пора дѣла-бы...— качнулъ головой старикъ.

И оба они вдругъ замолчали.

— О комъ это вы?— спросилъ я.

Старикъ добродушно улыбнулся.

— Тутъ... вспоминаемъ объ одной!..

— Стоялка наша была... барышня!..

— вздохнула старуха.

И вдругъ оба они, глядя на меня, точно сговорясь между собой, протянули медленно и жалостно, въ унисонъ другъ другу:

— Ма-анинькая така была тѣломъ-ту!..

Это было странно, и очень больно рѣзнуло меня по сердцу. Нѣчто заупокойное звучало въ ихъ старыхъ голо-

сахъ... А они вдругъ, торопясь и перебивая другъ друга, стали разсказывать такъ быстро, что мнѣ, сидѣвшему среди нихъ, оставалось только поворачивать голову отъ одного разсказчика къ другому.

— Привезъ ее къ намъ урядникъ и сдалъ, значить, старость. Опредѣли ее на постой,— говорить!..

— На квартиру, стало быть, кому-нибудь!— пояснила старуха.

— Ее къ намъ и опредѣлили!..

— Глядимъ,— красная вся... дрожитъ съ холоду-то!..

— А сама така ма-анинькая!..

— Ажъ въ слезы мы!..

— Господи, думаемъ, куда ее такую заслали?

— На какую ее потребу? За какую провинность?..

— А она, слышь ты, отколѣ-то отсудова!..

— Изъ Россіи, стало быть!..

— Мы ее первымъ дѣломъ на печь!..

— Печь-то у насъ бо-ольша!.. да те-епла!..— сокрушенно вздохнула старуха.

— Ну, потомъ, значить!.. кормить ее!

— Сѣбется!

— Глазенки-те че-ерные!.. какъ у мыша!..

— И вся то она, какъ мыша!.. гладка, да кругла!..

— Отдышалась!.. плачетъ!.. Спасибо, говорить, родимы!

— И учала вертѣтъ!!

— Ужъ и начала-же!— съ восхищеніемъ выкрикнулъ старикъ и засмѣялся, сощуривъ глаза.

— Кататся тебѣ по избѣ-то, какъ клубокъ, и гоношить, и гоношить!.. И то, и это!.. и то поставить такъ, и это эдакъ!.. Лоханъ съ помоемъ вонъ, свиньямъ,— говорить— тащите!.. Да сама ее ихвати рученками-те, да осклизнулась!.. да по плечи руки-те въ по-омой-то будухъ! Ахъ, ты!..

*) Изъ Самарской Газеты.

И оба они засмѣялись, задыхаясь и кашляя до слезъ.

— Поросята опять-же...

— Цѣлуетъ ихъ прямо въ рыла!..

— Невозможно, — говорить... Вонъ поросевъ!

— Въ недѣлю умучила вотъ какъ!

— Въ потъ, бывало, вгонить...

— Хохочеть, кричить, ноженками топать...

— Какъ умереть!..

— Да въ слезы... Ужъ ревить, ревить, такъ это ее съ подыма бьеть. Кружишься, кружишься около-то ее. Чего ей? Непонятно... Хоть сама плачь. И плачешь бывало... не знай о чемъ. Обоймешь ее, да и залешься вмѣстѣ...

— Извѣстно... дите какъ-бы...

— А живемъ-то мы одни. Сына въ солдаты сдали, а другой на золотыхъ промыслахъ...

— А ей-то осямнадцатый, кажись, годокъ...

— Какое! Съ виду ежели давать, никакъ не больше двѣнадцати...

— Ну, ужъ ты больно!.. двѣнадцати!.. тоже!..

— А больше — скажешь?.. Какъ-бы!

— Чего? Дѣвица она была сочная..

А што мало росла, такъ это рази что въ упрекъ ей?

— А я въ упрекъ говорю? Эко!..

— То-то? — добродушно уступила старуха.

Поспоривъ, старики оба и сразу замолчали.

— Ну, а что-же дальше? — спросилъ я.

— Дальше?.. ничего, братокъ!.. — вздохнулъ старикъ.

— Умерла она... Огневица ее изожгла... и по морщинистымъ щекамъ потекли двѣ слезики...

— Да-а, братъ, умерла... Два годочка только съ нами пожила... Вся деревня знала. Чего вся деревня! Многіе знали. Грамотѣйка была. На сходы

хаживала... Кричить себѣ бывало... Ничего, умница!

— А главное дѣло — душа!.. Ахъ, ка-а-кая душа андельская!.. Все-то до нея доходило, все то ея сердечушко вѣдало!.. Барышня, вѣдь, какъ есть городская, въ бархатной кофточкѣ... ленточки... башмачки... книжки читаетъ и все это, а крестьянство понимаетъ и все это, а крестьянство понимаетъ мала, ахъ, какъ просто! Все знала! Откуда толь ты это, милушка? — Въ книжкѣ, говорить, прописано!.. Н-ну ужъ!.. Чего-бы ей это, зачѣмъ? За мужъ-бы вышла, барыней была, а тутъ вотъ заслала и померла...

— И чудно!.. Учить всѣхъ така-то манинькая!.. да всѣхъ это такъ сурьезно... То не такъ, друго не такъ...

— Грамотница, что толковать... Радѣлица про все, да про всѣхъ... Гдѣ кто болень — бѣжить, гдѣ кто...

— Умирала-то безъ памяти... бродила только. „Мама“ — говорить... мама!.. жалостно таково... Поѣхали было за попомъ, можетъ, молъ, придетъ въ себя... А она, милушка, не подождала, скончалась.

По лицу старухи текли слезы, и мнѣ было такъ хорошо, точно это обо мнѣ плакали...

— Вся деревня собралась къ намъ.. Толкуются на улицѣ и на дворѣ... Какъ?! Какъ?! Всѣ ее любили, души не чаяли въ ней...

— Эхъ дѣвчурочка была золотая!.. — вздохнулъ старикъ.

— Всѣмъ миромъ и похоронили. А потомъ къ масляной сорокъ день вышло, и сообразились... айда-ка, молъ, помолимся за нее!.. И сусѣди тоже... чего вы, — говорить, и въ самдѣлѣ? Идите-тко? Люди вы, значить, свободные, не рабочіе... А ей авось зачтется. Мы и тронулись.

— Такъ это вы за нее? — спросилъ я.

— За нее, дѣвочку, родной, за нее! Авось, молъ, Господь Богъ батюшка приметъ нашу грѣшную молитву, про-

стить ей! И пошли вотъ на первой поста, какъ разъ во вторникъ вышли...

— За нее! — повторилъ я.

— За нее, другъ! — подтвердилъ старикъ. Мнѣ хотѣлось еще много разъ слышать, что именно, желая помолиться за нее, они прошли тысячи верстъ. На мой взглядъ это было такъ хорошо, что казалось не правдоподобнымъ. Я подсказывалъ имъ другія побудительныя причины, желая еще болѣе убѣдиться, что они пошли именно „за нее“, маленькую дѣвочку съ черными глазами... И къ великому моему удовольствію я, наконецъ, убѣдился въ этомъ.

— Неужто пѣшкомъ все идете?

— Нѣтъ, куда намъ! когда и присядемъ... Поѣдемъ съ денекъ, а потомъ опять... Трудимся по малу. Стары ужъ больно мы пѣшкомъ-ту все идти... Господь видитъ, стары... Кабы намъ ея ножки-то... ну, такъ иное дѣло!

И оба они опять въ перебой принялись говорить о ней, маленькой дѣвочкѣ, заброшенной судьбой далеко отъ дома и мамы и умершей отъ огневиды.

Часа черезъ два мы встали и пошли. Я думалъ о маленькой дѣвочкѣ, но не могъ представить ее себѣ... и мнѣ было до боли обидно это безсилье воображенія.

Русскій человекъ плохо умѣетъ представлять себѣ хорошее, свѣтлое.

Скоро насъ догналъ хохоль на телѣгѣ. Онъ меланхолично оглянулъ насъ и, приподнявъ шапку на нашъ поклонъ, крикнулъ старикамъ:

— Садитесь, подвезу до деревни!

Они сѣли и исчезли въ облакѣ пыли... Я долго шелъ въ немъ и смотрѣлъ, какъ вдали исчезала телѣга, увозя стариковъ, прошедшихъ многія тысячи верстъ, чтобъ помолиться о маленькой дѣвочкѣ, которая заставила ихъ полюбить себя...

М. Горькій.